

И.Д. Макарова-Томинец (Копер, Словения)

По-словенски с русским акцентом: языковой портрет русскоговорящего жителя Словении

Аннотация: Настоящая статья предлагает обзор и анализ частотных случаев языковых ошибок, наблюдаемых в словенской речи русскоговорящих переселенцев. Материалом для статьи послужил анализ устных интервью с 10 информантами, владеющими словенским языком на начальном уровне. Их речь представляет особый интерес для исследования, так как является примером формирования промежуточной языковой системы на стыке двух родственных языков. При анализе использована терминология преимущественно современных российских психолингвистов (Цейтлин, Залевская, Воейкова), занимающихся проблемой билингвизма.

Ключевые слова: словенский язык, русский язык, билингвизм / двуязычие, интерференция, анализ ошибок

I.D. Makarova Tominec (Koper, Slovenia)

A Russian Accent in Slovenian: A Speech Portrait of the Russian-speaking Slovenian

Abstract: This article provides an overview and study of frequent language mistakes made by Russian-speaking Slovenians. Informants were 10 adults with a rudimentary knowledge of the language. Their discourse is of special interest for the researcher as it shows how an in-between system of two related languages grows. Research makes predominant use of contemporary Russian psycholinguists' terminology (e.g., Zeitlin, Zalevskaya, Voyeykova).

Key words: Slovenian, Russian, bilingualism, interference, mistakes analysis

В последнее время число русскоговорящих жителей Словении заметно растет. Так, по данным Министерства внутренних дел Республики Словения в сентябре 2016 г. постоянное проживание в стране оформило приблизительно 5000 иностранцев¹, переехавших в Словению из Российской Федерации, Украины, Казахстана. Русскоговорящие переселенцы активно участвуют в образовательной, культурной

¹ См. статистические данные об иностранцах, опубликованные на официальном сайте словенского Министерства внутренних дел www.mnz.gov.si/si/mnz_zavajci_v_sloveniji/statistika/ (доступ: 27.09.2017г.).

среде Словении, активно открывают небольшие частные предприятия. Успешной интеграции способствует, с одной стороны, в основном нейтральное, умеренно-позитивное отношение местного населения к русскоговорящим переселенцам, с другой стороны, ускоренная ассимиляция самих русскоязычных мигрантов, быстро приспосабливающихся к новой языковой и социокультурной среде. Таким образом, в случае российско-словенского языкового контакта можно говорить об ускоренном процессе социализации, в котором важную роль играет также процесс освоения словенского языка как языка окружения¹.

В течение 2012–2016 гг. в рамках двух научных билатеральных проектов² были проведены наблюдения за разными аспектами процессов языковой и культурной адаптации русскоговорящих переселенцев в Словении, в основу которых легли интервью с российскими переселенцами, представителями различных поколений (с подростками, их родителями), а также социолингвистический опрос большой группы русскоговорящих переселенцев³. При том что отчет об изменениях, которые наблюдаются в русскоязычной речи переселенцев под влиянием словенского языка как языка окружения мы уже публиковали [Макарова 2015; Макарова 2016], особенности русифицированного варианта словенского языка, наблюдаемого в речи русскоговорящих переселенцев (1-го поколения) в рамках проведенных исследований, еще не были освещены.

Согласно данным интервью языковая компетенция русскоговорящих переселенцев весьма разнородна как с точки зрения соответствия словенским орфоэпическим нормам, так и с точки зрения объема активного словарного запаса, степени автономности говорящего, многообразия использованных стилистических средств, свободы владения социолингвистическими и прагматическими аспектами коммунитивной компетенции на словенском языке. Различия обусловлены, с одной стороны, индивидуальными обстоятельствами (например, языковыми способностями конкретного человека), с другой стороны, некоторыми типичными факторами, которые мы можем предложить в качестве основных, на основании проведенных наблюдений.

По нашему мнению, существенными факторами, обуславливающими успешность языковой адаптации, можно считать следующие: 1) время, проведенное в Словении или в словенской языковой среде; 2) интенсивность языковых контактов со словенской языковой средой (прохождение обучения в словенской школе или ВУЗе, работа со словенскими коллегами (на словенском языке), активное участие в различных (спортивных, культурных) мероприятиях, в открытых лекциях, в многочисленных словенских обществах, объединениях по интересам, что обеспечивает активное общение на словенском языке в свободное время, 3) языковой состав непосредственного социального окружения (супруг(а), другие члены

¹ Русскоговорящие переселенцы как представители так называемых «третьих» государств имеют возможность бесплатно изучать словенский язык в различных словенских городах [Ferbežar, Pirih Svetina 2005], имеется также поддержка дополнительного изучения родного языка переселенцев [Medvešek, Bešter 2011].

² Речь идет о двух словенско-российских исследовательских проектах «Расширение потенциала адаптационных механизмов в случае русско-словенских языковых и культурных контактов» (номер проекта BI-RU/12-13-026) и «Фазы языковой адаптации в речи различных поколений русскоговорящих переселенцев в Словении и словенскоговорящих переселенцев в России» (номер проекта BI-RU/14-15-034).

³ В качестве примера можно привести русскоговорящую группу в социальной сети Facebook «Живем в Словении».

семьи, язык общения в рамках семьи и т. д.); 4) возможность дополнительно изучать словенский язык (индивидуально или в группе); 5) намерение конкретного переселенца остаться в Словении на длительное время / на всю жизнь или же впоследствии поменять место жительства (вернуться домой, переехать в третью страну); 6) восприятие собственного экономического положения как супериорного / самодостаточного, что иногда наблюдается у некоторых обеспеченных переселенцев из России¹.

В настоящей статье будут рассмотрены языковые отступления, формирующие узнаваемый русскоязычный акцент в речи главным образом начинающих говорить на словенском языке. Данные были собраны посредством устных интервью с десятью информантами, представителями первого поколения переселенцев, которые прожили в Словении максимум 18 месяцев (см. таблицу ниже). С точки зрения конкретного уровня языковой компетенции на словенском языке, определяемого в основном интуитивно, можно говорить, что наши информанты владеют словенским языком на уровне А1/А2. Здесь важно отметить, что для полного анализа частотности и устойчивости частотных языковых отступлений, наблюдаемых у русскоговорящих на словенском языке, необходимо включить в анализ также данные о языковых отклонениях, наблюдаемых на более высоких уровнях языковой компетенции (до уровня С2), включая анализ письменной речи. Отдельный научный интерес представляет также вопрос о корреляции уровней языковой компетенции на обоих языках, как на русском, так и на словенском.

Таблица 1: Информанты, начальная ступень владения словенским языком

	Имя	Возраст	Место рождения	Длительность пребывания в Словении
1	Т.М.	22 года	Санкт-Петербург, РФ	10 месяцев в Словении
2	О.Л.	47 лет	Алма-Аты, Казахстан	1 год в Словении
3	С.М.	37 лет	Казань, РФ	1 год в Словении
4	Я. Р.	40 лет	Калининград, РФ	1 год в Словении
6	О.	18 лет	Украина	10 месяцев в Словении
7	О.Ф.	23 года	Российская Федерация	10 месяцев в Словении
8	А.	19 лет	Украина	1,5 года в Словении
9	А.	10 лет	Казань, РФ	6 месяцев в Словении
10	М.	11 лет	Калининград, РФ	6 месяцев в Словении

На основании анализа устных интервью можно сделать следующие выводы. Русскоязычные переселенцы переезжают в Словению, в лучшем случае выучив основы словенского языка либо посредством индивидуальных занятий (короткие курсы по скайпу), либо посредством интернет-сайтов, гораздо реже (по крайней мере по имеющимся у нас данным) посредством предварительного изучения словенского языка в языковой группе². Это означает, что в большинстве случаев переселенцы не имеют достаточной языковой подготовки. Часть информантов также ссылается на межъязыковое сходство, которое поможет им быстро доучить язык уже после переселения в страну. Кроме того, на начальном этапе, особенно в случае бизнес-миграции, сопровождаемой открытием собственного предприя-

¹ Данные приводятся на основании устных интервью, состоявшихся в Словении в городе Копер, Любляна, Изола, Порторож, в течение 2014–2015 гг.

² Как правило, более серьезную языковую подготовку демонстрируют будущие студенты, собирающиеся учиться в Словении.

тия в Словении, переселенцы находят посредников, так что к целенаправленному активному изучению словенского языка они приступают уже после фактического переселения в страну.

В связи с этим вполне обоснованным можно считать предположение, что в речи русскоязычных переселенцев, с которыми мы говорили в период после первых 6, 10, 12 и 18 месяцев их пребывания в Словении, можно найти многочисленные отклонения от словенской языковой нормы на всех языковых уровнях.

Высокий процент, иными словами – настоящий концентрат, отступлений от языковой нормы под влиянием негативной интерференции со стороны родного языка является характерной особенностью языковой компетенции на любом иностранном языке на начальном этапе его освоения. Речь идет о начальном этапе формирования промежуточной / вторичной языковой системы¹, возникающей в серой зоне на стыке обоих языков, поэтому эта система, по наблюдениям психолингвистов, отличается межъязыковой грамматикой [Воейкова 2011:27], образуемой в результате полного / частичного перекрытия / наложения обеих языковых систем. Начальный этап интенсивного межъязыкового контакта, известного в литературе как преморфологический этап², отличается агрессивным упрощением / симплификацией языковой системы, что означает экстремальное сокращение словенского словоизменения, отличающегося заметным разнообразием. Симплификация может проявляться как в исключительном использовании одной, как правило, самой простой и частотной формы, в так называемом «замороженном» виде (на самом раннем этапе усвоения языка).

ПРИМЕР 1 (ИНФОРМАНТ 4)

Вопрос: Kdo pomaga?

Ответ (информант): Jaz pomaga (вместо **pomagam**).

Вопрос: Niste končali?

Ответ (информант): Ne, niste (вместо **nisem**).

В данном случае использована ситуация общения в условиях так называемого коммуникативного кризиса, когда необходимость объясниться на словенском языке значительно превышает запас имеющихся в распоряжении языковых средств, что активизирует компенсационные, или проблемно-разрешительные, коммуникативные механизмы [Воейкова 2011: 20], которые выражаются главным образом в безальтернативной опоре на словенскую речь / реплики более компетентного собеседника, иллюстрируя таким образом максимальную степень коммуникативной неавтономности говорящего.

На следующей ступени формирования языковой компетенции симплификация может привести к гипергенерализации одной, наиболее частотной формы / модели, особенности которой на основании выравнивания по аналогии переносятся на иные элементы языковой системы. Главным образом речь идет об активации вспомогательного механизма усвоения грамматики – так называемой дефолтной (доминантной, базовой) формы, полностью замещающей необходимую и правильную [Воейкова 2011: 23].

¹ Промежуточный язык, отличающийся динамичным, лабильным характером, постепенно формирующийся у говорящего в процессе освоения второго языка ([Залевская 2009: 37]; также [Цейтлин, Абабкова 2011]).

² Начальная фаза языкового контакта, отличающаяся слабым владением или полной нейтрализацией словоизменительных особенностей целевого языка [Цейтлин 2011: 184].

ПРИМЕР 2 (ИНФОРМАНТ 4)

Imam hiša tukaj v Kopru, to je nevelika hiša. Stanujem s čirkoj, imam čerka. Ona je Marija. Ona stara 10 let. Uči v osnovna šola v Kopru.

Очевидно, что на момент записи информант располагает лишь двумя грамматическими формами существительного женского рода. В качестве дефолтной, или базовой, в его речи преобладает форма именительного падежа (*hiša*, *hčerka*, *osnovna šola*).

ПРИМЕР 3 (ИНФОРМАНТ 3)

3.1. Ima lepe velike okna.

Ima lepe stalaktity.

Отсутствие согласования между прилагательным и существительным, к которому оно относится, в данных примерах доказывает, что на данном этапе говорящий использует / распознает только одну дефолтную форму прилагательного во множественном числе, которая в его речи замещает остальные множественные формы прилагательных в винительном падеже, имеющиеся в целевом языке (под влиянием негативной интерференции со стороны русского языка).

3.2. Bila sem v Italiji, v Hrvaški, v Avstriji,
v Češki in Poljski*.

*В данном случае мы говорим уже об **интралингвальном** типе отступлений / ошибок, возникающих не под влиянием родного языка, а именно под влиянием неполного овладения уже целевого языка [Цейтлин, Абабкова 2011: 182], также [Pirih-Svetina 2005: 22].

Наблюдается выравнивание всех форм женского локатива (предложного падежа) по аналогии с первыми двумя формами, игнорирующее тот факт, что названия государств, образованные от прилагательных, должны изменяться по образцу склонения имен прилагательных, а не имен существительных (*na Češkem*, *in Poljskem*). Говорящий таким образом генерализует более частную и простую для его понимания грамматическую модель / форму.

3.3. Berem facebook, berem spletne strane
zanimive.

В этом случае менее частотную форму винительного падежа множественного числа склонения женского рода на согласный (*strani*) в речи говорящего замещает более частотная форма с окончанием на -e (*knjige*, *revije*, ...), подкрепленная, возможно, также выравниванием с предстоящей и постстоящей формой прилагательного в форме винительного падежа множественного числа -e (*spletne strane zanimive*).

3.4. Kupla sem nekaj hranu, kisló smetana,
krompirčák, korenčák, paradižnik.

В последнем примере также наблюдается нарушение согласования между определенным местоимением и существительным (*nekaj hranu*), а также между прилагательным и существительным в следующей паре, причем существительное представлено в дефолтной форме именительного падежа вместо требуемого винительного (*kisló smetana* вместо *kisló smetano*).

ПРИМЕР 3

N'e želi greti k frizerju	(ошибочная форма инфинитива глагола <i>iti</i> по аналогии с частотной формой первого лица единственного числа того же глагола в настоящем времени <i>grem</i>)
N'e v' edem	(<i>ne vem</i> , по аналогии с частотной формой инфинитива, напоминающего однокоренной русский глагол с похожим значением: <i>vedeti</i> – ведать)*

*Аналогичные ошибки частотны в словенской речи и у других иностранцев.

В-третьих, для промежуточного языка в стадии формирования характерна исключительная лабильность, динамичность, что означает, что в речи информанта можно одновременно наблюдать как правильные и неправильные формы, некоторое время параллельно существующие в его идиолекте, до тех пор, пока говорящий четко не осознает смысловых и функциональных границ между ними.

ПРИМЕР 4 (ИНФОРМАНТ 3)

Pride **doma** približno ob **dveh** uri.

В данном случае информантка не проводит функционально-смыслового различия между вариантами обозначения локации в статике (места) и цели движения (*doma* = *domov*), с одной стороны, и между двумя возможными обозначениями времени, сосуществующими в словенском языке, с другой (*ob dveh* = *ob drugi uri*). В идиолекте информантки все указанные формы сосуществуют одновременно.

ПРИМЕР 5 (ИНФОРМАНТ 3)

Pojutri šla sem do trgovine.

В этом случае мы наблюдаем пример *паронимизации*, т. е. семантического и функционального спаивания внешне похожих, в данном случае однокоренных слов (*jutri-jutro-pojutrišnjem* – *zjutraj*), которые в речи информантки по своему смыслу и функционалу перекрываются, образуя своеобразные семантические «лужицы» с нечеткими внутренними границами.

ПРИМЕР 6 (ИНФОРМАНТ 3)

Ne gledam televiziju, ni rada, nisem rada, nimam rada televiziju.

В данном высказывании информантка выбирает разные варианты выражения модальной конструкции «не люблю», сосуществующие в ее речи, демонстрируя неполное владение системой словенского языка.

В-четвертых, процесс освоения языка в прямом контакте с языковой средой в случае словенского языка часто сопровождается усвоением разговорных, локально ограниченных форм, которые говорящий нередко а priori считает правильными (*nam* (*imam*), *super*, *svašta*, *druzga*, *flaška*, *giro*, *fetina*, *merenda*, *ful*, *sekirati*, *manča*, *katastrofa*). То же явление генерализации нелитературных форм в качестве нормативных характерно и для освоения просодических особенностей словенского языка (в частности, места ударения, усваиваемого именно на слух, из языковой среды): *lahko* / *lahko*, *slabo* / *slabo*.

В ситуации коммуникативного кризиса, т. е. острой нехватки словарного запаса, наблюдаются случаи замещения словенских слов русскими, которые в речи словенизируются фонетически.

ПРИМЕР 7 (ИНФОРМАНТ 3)

Živi **toliko** (русское слово «только» = словенское слово «samo») moja skupina.

Недостающее словенское слово (*samo*) информант замещает русским лексическим эквивалентом *tol'ko* (только), словенизируя его фонетически.

Следующий отрывок, представляющий упрощенную фонетическую запись из интервью с информантом Р. (11 месяцев в Словении, родом из Украины), также содержит несколько вышеописанных примеров.

ПРИМЕР 8. ОТРЫВОК 1 (ИНФОРМАНТ 4)

Tri mesece mojoče sem potreboval, da sem že začel govoriti. Mal sem sekiral **se** za svoje besedilo, pač kako **sem** ja izgovarjam... ampak ni bilo druge možnosti, pa ja **sem n'e** tako dovolj poznam **angleš'inu**, i pa mogel govorit' na *slovenš'ini* in pa sem razbil ta barrier **da bojim se** in začel govorit'

На фонетическом уровне данный информант демонстрирует смягченное произношение согласных (*n'e, govorit'*), упрощение скопления согласных с последующим смягчением (*šč →š→ṣ̌*; *angleš'inu, na slovenš'ini*). Украинское происхождение информанта проявляется также во фрикативном заднеязычном согласном *γ* (*mojoče, druge*).

На морфологическом уровне очевидно неполное владение как именным, так и глагольным словоизменением. В частности, наблюдается ошибочная форма винительного падежа (*angleš'inu*, вместо *angleščino*), а также ошибочное управление глагола – выбор предлога (*govoriti na slovenš'ini*) под влиянием русского языка (говорить на словенском языке). Словенские глаголы в речи информанта обнаруживают излишнее, редундатное использование личной формы вспомогательного глагола (*sem izgovarjam; sem ne poznam*), с другой стороны, мы наблюдаем опущение вспомогательных форм в формах прошедшего времени (*mogel govorit', začel govorit'*) – также под влиянием модели образования прошедшего времени в русском языке, где вспомогательный глагол не требуется.

На уровне семантики наблюдается разговорная лексика (*sekirati*), использование частотной лексической кальки из русского языка (*razbiti barrier*), ошибочный выбор глагольной лексемы (*poznam angleš'inu* вместо *znam angleščino*) под влиянием русского языка. В последнем случае ошибка вызвана переносом значения русского лексического эквивалента *знать* с широкой семантической сочетаемостью, допускающего в русском языке как соединения с объектом, обозначающим лицо, так и с объектом, обозначающим предмет / язык, в словенский язык, где соответствующие значения покрывают две различных глагольных лексемы (*znati, poznati*), выбор которых зависит от значения слова, обозначающего объект:

Знать человека	Poznati osebo
Знать язык	Znati jezik

Анализ порядка слов в приведенном отрывке также показывает ошибочное размещение возвратного местоимения *se* (*malo sem sekiral se za svoje besedilo; da bojim se*) под влиянием русских возвратных глаголов, в которых возвратные

местоимения никогда не отрываются от основы. Освоение несвободного порядка слов в разных иностранных языках (немецкий, английский) часто является проблемой для русскоязычных, на что обращают внимание различные исследователи [Воейкова 2011: 28].

ПРИМЕР 9. ОТРЫВОК 2 (ИНФОРМАНТ 4)

Jaz sem mislim, da bom učil jih, **otrokov**, ruščine... jaz bi jih poslal še za mesec v Moskvo... Govorijo **na ruš'ini**... Jaz **sem ne hočem**, če bom živeč v **jevropskoj države**, jaz **ne hteli bi** dat otroku še dva jezika, bo lažje **njemu poznati** ruščino, **on** bi lažje **z vsej Sovetskoj zvezoj** govoril.

Во втором отрывке обнаруживаются те же ошибки, что и в первом (*govorijo na ruš'ini*), редундантное использование вспомогательного глагола в глаголах настоящего времени (**jaz sem mislim**, **jaz sem ne hočem**), сопровождаемое излишним для словенского языка использованием личных местоимений (*jaz*). Последняя особенность – одна из самых характерных отличительных черт русского акцента, отражающая характерное для русского языка эксплицитное выражение агенса (*Я хочу*). В том же отрывке наблюдаются еще два похожих примера излишнего использования личных местоимений, по русской синтаксической модели (**jaz ne hteli bi**, **on bi lažje govoril**, **bo lažje njemu**). Характерным отступлением является также преимущественное использование полных форм местоимений, пренебрегая необходимым различием между краткими и полными формами местоимений, а также игнорирование правильного порядка слов.

В именном склонении наблюдается также калькирование русского словосочетания из русского языка (*v jevropskoj države*) с русскими именными окончаниями. Калькирование русского словоизменения наблюдается и в следующем примере (*z vsej Sovetskoj zvezoj*).

Характерная особенность русскоязычных информантов – последовательная манифестация категории одушевленности в форме родительного падежа множественного числа (*otrokov*) по аналогии с более частотными формами (*malčkov*, *zajčkov*).

Дословное калькирование форм из родного языка наблюдается также при отрицательной модификации модального глагола: **jaz sem ne hočem** (вместо правильной словенской формы **nočem**), а также в форме **jaz ne hteli bi** (*я не хотел бы*) с излишним для словенского языка использованием формы личного местоимения. Одновременно наблюдается неправильное использование отрицательных форм условного наклонения (*ne bi želel / hotel*) – калька русской синтаксической модели, – сопровождаемое нарушением словенского порядка слов.

ПРИМЕР 10. ОТРЫВОК 3 (ИНФОРМАНТ 3)

Palačinke je ruska nacionalna hrana. Lahko palačinke nared'it'i z različnim nadevom, s škuto, z džemom, z marmeladom, z mesom. Oni je zelo okusny... so zelo okusny, zelo kaloričny, to je dobro, še imate nekaj... golod. Še ste lačny. To je dobro za ljudi, kdo ima rad sladišče / sladice az'iroma mjasa.

На фонетическом уровне данная информантка демонстрирует сохранение русской произносительной нормы аканья (*az'irama* вместо *oziroma*), замену словенской лексемы *meso* русским эквивалентом *mjasa*, смягчение *nared'it'i*. Информантка сохраняет в речи русский гласный *y(ы)*, особенно во множественном числе, вместо словенского гласного *i* (*so zelo okusny*, *ste lačny*).

В данном отрывке можно найти примеры частичной симплификации языковой системы с последующей самокоррекцией (*oni je zelo okusny... so zelo okusny*), что наблюдается два раза (*palačinke je ruska jed*). Сосуществование разных вариантов манифестации одного и того же смысла в рамках одного высказывания сопровождается калькированием русской синтаксической модели модального глагола (модальный глагол + инфинитив): *lahko narediti* = *можно сделать* вместо *lahko naredimo*.

Лабильность / динамичность русифицированного словенского языка в речи наших информантов имеет также свои индивидуальные проявления:

ПРИМЕР 11 (ИНФОРМАНТ 3)

Želela by, še imela by sestanek s prijateljami (še вместо če).

Še bo dobro vreme, lahko šla sva se na sprehod na morje (še вместо če).

Специфичной особенностью речи данного информанта является неразличение условного союза *če* и частицы *še* (*če* = *še*) вследствие симплификации.

Лингвистический анализ устных интервью с русскоязычными информантами на словенском языке позволяет сделать следующий систематический обзор частотных отступлений по различным языковым уровням:

I. ОТСТУПЛЕНИЯ НА ФОНЕТИЧЕСКОМ УРОВНЕ

1) Характерное смягчение словенских согласных в позиции перед переднеязычными гласными (i, e): *Baz 'il'ika, zap 'isan 'i v slovansk 'ih jez 'ikih, p 'erva č'этка, n 'e razum 'el 'i? u Izol 'i, b 'erem kn 'igu, č 'e se sprašujemo, l 'eta, dobiti pik 'e.*

Смягченное произношение согласных наблюдается также в случаях, когда говорящий переносит/калькирует смягченное произношение однокоренного слова из русского языка: *vs 'ak* (всяк), *o kul 'turnem* (о культурном), *kul 'tur 'i* (культуре).

2) Систематически наблюдаемое оглушение конечного (v) в фонетической позиции перед следующим глухим согласным или в позиции конца слова под влиянием русской произносительной нормы (v → f): (*nasprotnikof*), (*fse*), (*afтор*), (*slovencef*), (*sedem (mesecef)*), (*imamo takšnih (komarjef)*).

3) Произношение безударного вокала o как a, так называемое аканье, под влиянием русской произносительной нормы (o → a): (*slavenija*), (*slavencef*).

4) Редукция безударного гласного e с последующим переходом в (i), так называемое иканье, под влиянием российской произносительной нормы (e → i): *pr 'ipov 'edala* (namesto *prepovedala*).

5) Замещение переднего словенского гласного i задним русским гласным y: (i ← y(y)) в однокоренных словах: *byl, byli, moj syn, na obysku*. Часто подобное замещение наблюдается и в окончаниях множественных форм именного склонения, а также в формообразующей частице условного наклонения *bi*, который русскоязычные информанты особенно на начальном этапе произносят как *by*: *želela by, še imela by sestanek s prijateljami*.

6) Упрощение сочетания согласных (-šč- → š) с последующим смягчением (š → š'), что, правда, наблюдается не у всех информантов, а скорее выборочно (чаще у самоучек): *slovenš '(č)ina, izhodiš 'č 'a, izhod 'iš 'na točka v latinš 'čini, iš '(č)emo, iš '(č)e vzroke zunaj, stališ 'e, kārš 'anske znak 'e.*

7) Характерной фонетической приметой русскоговорящих переселенцев из Украины является фрикативный заднеязычный (g → γ): *γovor 'it 'i, γэґš '(č)ine, knjiγ.*

О различной роли фонетических ошибок для успешной коммуникации в свое время писал русский исследователь Щерба, разделивший их на коммуникативно-значимые (т. н. «фонологические ошибки») и коммуникативно незначимые («артикуля-

ционные ошибки») (Щерба 1957:13). Артикуляционные ошибки придают речи говорящего узнаваемый национальный акцент, в то время как фонологические ошибки могут привести к коммуникативному сбою, т. е. непониманию. К последним при определенных условиях можно отнести ошибочное место ударения (в отдельных случаях при отсутствии корректирующего контекста), например: *doma* вместо *doma*. При этом в целом на основании наших данных можем сказать, что фонетические особенности русскоговорящих на словенском языке действительно сообщают их речи узнаваемый русский акцент, но, как правило, не ведут к коммуникативному сбою¹.

II. ОТСТУПЛЕНИЯ НА УРОВНЕ ПРОСОДИИ

В качестве заметных отступлений на уровне просодии в первую очередь необходимо указать ошибочное место ударения, когда русскоговорящий калькирует фонетическое оформление однокоренного слова из русского языка: *simpatična država, zelo izobraženeča, simbol svete trojice, sem poročen, hodi v sedmi razred, s taksijem, jezik, doma, on je velik*.

Особенно долго ошибочное место ударения сохраняется в словенских словах с подвижным местом ударения: *nekateri ljudi, na vikendu, iz jantarja*.

III. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В именном склонении частотны следующие отступления.

Замена словенских словоизменительных падежных окончаний русскими:

Вин.п. ед.ч.:	<i>Imam majhnu družinu, jaz sem za mamu</i>
Пред.п. ед.ч. (существительные):	<i>fšol'e</i>
(прилагательные):	<i>na Čevljarskoj</i>
Твор.п. мн.ч.:	<i>tanko drevo z večjimi listami, s prijateljami</i>

Особенно частотны отступления при словоизменении словенских имен существительных, принадлежащих к особым типам склонения (существительные женского рода на согласный: *stran-strani, vas-vasi*), или имен существительных с индивидуальными особенностями склонения (так называемые слова-исключения: *otroci, ljudje, lasje, zobje*): *ljudi zelo mirni, ljudi zelo prijazni, imam otroci, jaz sem za oče (za očeta)*.

Длительное время необходимо и для усвоения нестандартного расширения основ словенских существительных мужского рода, основа которых заканчивается на *-r*: *certifikat na papiru* (вместо *na papirju*), *vidu sem profesora* (вместо *profesorja*).

Заметны отдельные случаи выравнивания используемых падежных форм по аналогии: *v tujini bila sem v Italiji, v Hrvaški, v Avstriji, v Češki in Poljski*.

Как уже отмечалось выше, на начальном этапе в речи русскоговорящих заметно нарушение согласования между существительными и прилагательными (между главным и зависимым словом): *Ima novu kolesa. Ima veliku okna*. Особенно часто данные отступления встречаются в формах множественного числа под влиянием морфологической интерференции русского языка, где имя прилагательное имеет универсализированную форму множественного числа, вне зависимости от рода существительного.

¹ В данном случае было бы полезно провести специальное уточняющее исследование частотности и причин возможных коммуникативных неудач в общении русских и словенцев, для чего наш материал, на данный момент, не является достаточным.

Таблица 2

	Словенские формы мн. ч.	Русские формы мн. ч.	Примеры
Ср. р.	Nova kolesa	новые колеса	<i>Novy kolesa</i>
Муж. р.	Ruski prijatelji	русские приятели	<i>Ruski prijatel' i</i>
Жен. р.	Ruske knjige	русские книги	<i>Rusky knjige</i>

Вполне предсказуемы рассмотренные отступления в случае выравнивания по аналогии глагольных основ инфинитива и форм настоящего времени, наблюдаемые в словенской речи и других иностранцев: *Morajo greti domov* (ошибочная форма инфинитива глагола *iti*, построенная информантом по аналогии с формой настоящего времени того же глагола в первом лице единственного числа *grem*), *n'e v'edeš (ne veš, po analogiji z vedeti)*.

Вопросительные и относительные местоимения

Русскоговорящие с трудом различают вопросительные и относительные местоимения, формы которых в русском языке нейтрализованы, а в словенском последовательно различаются:

Moj sin slabo govori kako i jaz.

Kdaj pridem domov, skuham kosilo.

Pišem točno to, kaj sem že pisala.

Союзное слово *ki / kateri*

Zelo lepa reka, katera teče v Sloveniji.

В русском языке основа союзного слова *который* единообразна, в отличие от словенского языка, где это союзное слово имеет две формы – **ki** и **kateri** – в зависимости от того, используется ли это слово с предлогом или без.

<i>Reka, ki teče</i>	Река, которая течет
<i>Reka, v kateri teče</i>	Река, в которой течет...

Аналогичный пример несимметричного функционально-семантического распределения значений в словенском и русском языке – это различие вопросительных слов *kakšen* и *kateri*. Вопросительное слово *kakšen* означает, что речь идет об общих качествах предмета, в то время как вопросительное слово *kateri* означает, что речь идет о типовых свойствах, позволяющих отнести предмет к определенному классу / типу, определить его номер в списке аналогичных предметов. В русском языке данное различие нейтрализовано.

Словенский язык	Ответ	Русский язык	Ответ
Kakšna je vaša predavalnica?	velika	Какая у вас аудитория?	Большая
Katera je vaša predavalnica?	341		Номер 341

Приведем наблюдение из жизни. Когда на автобусной остановке русскоговорящий информант спрашивает: *Kakšen bus?* – не все словенцы понимают, какая точно информация интересует говорящего. Поэтому случаи коммуникативного сбоя здесь случаются.

Категория числа

Характерное для словенского языка различие между двойственным и множественным числом в русском языке уже давно утрачено, так что в речи русско-

говорящих частотна нейтрализация специфических форм двойственного числа, обязательных в словенском литературном языке. Наши информанты в этом случае часто используют формы множественного числа.

Moji otroci zdaj v šoli (речь идет о двоих детях), *približne dve ure*

Ситуация осложняется еще и тем, что и некоторые региональные варианты словенского разговорного языка (например, приморский на словенском побережье) также утратили различия между формами двойственного и множественного числа. Отсутствие примеров в непосредственной языковой среде еще более затрудняет активное овладение этими формами¹.

Кроме того, на начальном этапе в словенской речи информантов наблюдается параллельное сосуществование не только словенских, но и русских форм множественного числа:

Imam hruški, jabolki (груши, яблоки).

Категория одушевленности

Весьма характерно для словенской речи именно русскоговорящих сохранение в речи грамматической манифестации одушевленных существительных (особенно во множественном числе): *učim otrokof, vabim staršef, vidim mojih prijateljef, pozvati nasprotnikof*.

IV. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

1. В условиях нехватки словарного запаса, характерной для начального этапа овладения языком, позиции словенских слов активно замещаются русскими словами: *Delajo eksperimente* (вместо более подходящего словенского варианта *izvajajo*), *delajo izpite* (вместо *polagajo / opravijo*).

2. На начальном этапе часто наблюдается замена двух предлогов *za / na*, которые есть как в словенском, так и в русском языке, при том что их семантика и функционал различаются.

В словосочетании *za zajtrk* эквивалентом русскому предлогу *na* является словенский предлог *za*. В предложении *Cena se je zvišala za 10% na 300 EUR* ошибочное использование русского предлога *na* вместо словенского *za* может привести к коммуникативной неудаче, так как в словенском языке предлог *na* означает конечный результат, а предлог *za* – указание разницы.

Таблица 3. Предлоги *za, na* в русском и словенском языках

В словенском	В русском
Za zajtrk	На завтрак
Za 20%	На 20%
Na 300 EUR	До 300 евро (конечный результат)
Za koga	Для тебя
Namesto tebe	За тебя
Za hišo	За домом
Na strehi	На крыше

¹ Так, например, в речи приморцев гораздо более высокая вероятность услышать *Dajte dva piva!* вместо литературного варианта *Dajte dve pivi*.

Частичное совпадение значений характерно и для использования словенского предлога *za* в значении *для кого (za koga)*, в то время как эквивалентом русскому *за тебя* будет выступать словенский предлог *namesto tebe*. Межъязыковые совпадения значений и функционирования предлогов *na* и *za* возрастают при использовании предлогов в их прямом значении – при указании на физическое положение объектов (последние два примера в таблице).

В любом случае, семантика и функционал предлогов, небольших служебных слов достаточно сложны для освоения, по-видимому, потому, что для уяснения тонких межъязыковых различий в полном объеме требуется значительное время.

3. Как уже было отмечено, в случае контакта славянских языков, обладающих генетически родственным словарным фондом, частотно наблюдаются отступления в связи с ошибочной семантизацией внешне похожих слов. Речь идет об известном в языкознании понятии «ложных друзей» – следствии межъязыковой омонимии. Из наших наблюдений можем привести следующие примеры:

ПРИМЕР 3.1.

Jaz ga **pozdravila**, ker je dobil hčerko (вместо словенского эквивалента *čestitala*)

ПРИМЕР 3.2.

Slovenskih znamenitostej poznam iz televizije (вместо словенского эквивалента *znanih oseb*).

ПРИМЕР 3.3.

Hvala, to bila zanimiva **beseda!** (вместо словенского эквивалента *pogovor*)

ПРИМЕР 3.4.

Kje živite? – En čas od Ljubljane (вместо словенского эквивалента *eno uro*)

4. Семантические различия в случае межъязыковой паронимии могут быть использованы и для специфического межъязыкового юмора¹:

ПРИМЕР 4.1.

Ali si ga obiskala? – Saj ni kriminalc!

Комический эффект возникает, поскольку словенское слово *obiskati* – «посетить с визитом» похоже на русский пароним *обыскать*. Таким образом невинный вопрос, в преломлении межъязыкового фильтра, русскоговорящий может понять как вопрос по факту обыска. Комический эффект в этом случае вполне понятен.

ПРИМЕР 4.2.

Ona je končno «dobila» svojega šefa.

И в этом случае комический эффект возникает благодаря межъязыковой паронимии, когда словенский глагол *dobiti* – «достать, получить» в связи со своей внешней похожестью на русский пароним *добить* ← *бить*, частотный в разговорном языке, получает новое переносное значение – «добить, уничтожить, агрессивным натиском достичь своей цели».

В данном случае значение данного словенского выражения, пропущенное через межъязыковое «кривое зеркало», может быть интерпретировано как «она наконец доказала свое шефу, поставив его в невыгодное положение», т. е. она его «добила».

¹ Примеры найдены в Интернете, на форумах и в публикациях членов интернет-сообщества «Живем в Словении».

5. Межъязыковые различия на семантическом уровне, наблюдаемые как на уровне лексических, так и на уровне грамматических элементов, могут выражать глубокие функциональные несовпадения между языками, рассматриваемые в рамках отдельных специальных исследований [Derganc 2008; Derganc 2009; Uhlik 2016a; 2016b]¹. В целом можно сказать, что иногда очень сложно определить конкретный языковой уровень, к которому относится то или иное языковое отступление, так как оно может проявляться на нескольких языковых уровнях одновременно.

К таким примерам можно отнести различия в использовании личных местоимений. Когда мы говорим о том, что русский язык не проводит различий между так называемыми краткими и полными видами личных местоимений (*meni-mi, tebi-ti, njega-ga, njemu-ti* и т. д.), освоение которых в связи с этим представляет сложность для русскоговорящих, речь идет о различиях на грамматическом (морфологическом) уровне. Когда мы говорим о том, что использование личных местоимений в русских высказываниях гораздо более частотно в связи с другим строением русского предложения, в которых агенс тяготеет к эксплицитности и должен быть выражен, а в роли агенса часто выступает именно личное местоимение (в именительном или дательном падеже, если речь идет о предложениях типа *Мне холодно, мне нравится*), то в данном случае мы говорим уже о синтаксическом уровне проявления / манифестации межъязыковых различий.

Многоуровневые семантически-функциональные различия наблюдаются и в случае вопросительных местоимений *kakšen* и *kateri*, рассмотренных выше.

V. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В структуре предложений настоящего времени типа *Мой папа – инженер* формы глагола «быть», обязательные в словенском языке, в русском языке отсутствуют. Последовательное опущение личных форм этого глагола в словенской речи русскоязычных говорящих наблюдается и в прошедшем времени, где личные формы глагола «быть» являются обязательным формообразующим элементом.

Примеры высказываний в настоящем времени

To izdelki iz jantarja.. Oni zelo lepy in zelo dobry za zdravje.

(последовательное опущение глагола-связки *so*, обязательного в словенском языке)

Slovenija majhna, zelo mirna, tiha(ja) država.

(Опущение глагола-связки *je*, под влиянием русского языка: *Словения – (это) маленькая, спокойная, тихая страна.*)

Moja ulica Ljubljanska 49.

(Опущение глагола-связки *je*, под влиянием русского синтаксического эквивалента: *Моя улица – Люблянска.*)

V Sloveniji mi že z jul'a / od jul'a.

(Опущение глагольной связки *sto*, под влиянием русского синтаксического эквивалента: *В Словении мы уже с июля.*)

Moj pes zelo aktiven.

(Опущение глагольной связки *je*; под влиянием русского синтаксического эквивалента: *Мой пес очень активен.*)

Ljudi zelo mirni, ljudi zelo prijazni

(Два раза подряд опущена глагольная связка *so*; под влиянием русского синтаксического эквивалента: *Люди – очень спокойны, люди – очень приветливы.*)

¹ Например, было установлено, что словенское именное сказуемое *Jarad* выражает состояние, ограниченное по времени, в то время как словенский предикатив *rad* выражает постоянные предпочтения, см.: «provedkovni rad v ruščini izraža časovno omejeno stanje, ter se uporablja v predikativnih konstrukcijah z vezjo, med tem ko slovenski rad v indikativu v zvezi s polnopomenskimi glagoli označuje trajno lastnost» [Uhlik 2016: 287].

Примеры высказываний в прошедшем времени

Jaz mislil.

(Опущение глагольной связки *sem*, под влиянием русского синтаксического эквивалента: *Я думал.*)

Ob četrthi jaz šla na sprehod s psom.

(Опущение глагольной связки *je*; синтаксическая калька с русского языка: *В четыре я пошла на прогулку с собакой.*)

Kaj ste si ogledali v Sloveniji? – Že ogledala jezero Bled.

(Опущение вспомогательного глагола *sem*; синтаксическая калька с русского языка: *Уже посмотрела озеро Блед.*)

В области синтаксиса некоторые информанты (главным образом, самоучки) в словенской речи демонстрируют редундантное использование личных форм вспомогательного глагола «biti» в настоящем времени, при том что полноценный смысловой глагол в высказывании уже есть:

Jaz **sem** stanuju, jaz **sem** pomagam s slovenščino...

Prihajam **sem** z Rusii, iz Kaliningradu.

В качестве предположения можно объяснить это явление недостаточным функционально-формальным различием глагольных форм настоящего времени с глагольными с формами прошедшего времени. С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что, согласно нашему материалу, данные отступления демонстрируют преимущественно глагольные формы первого лица единственного лица (когда речь идет о первом лице).

Весьма характерны для русскоговорящих различные отступления в порядке слов, в частности, несоблюдение словенской синтаксической нормы, предписывающей глагольной связке второе место в предложении:

Zdaj ona **je** urokojenka.

Vem, ker ona **je** uspešna.

Нарушения порядка слов наблюдаются и в случае ошибочного расположения возвратной частицы *se*, составной части возвратного глагола, под влиянием русской синтаксической модели:

U prostem času učim **se** italijanščino.

В данном случае это можно объяснить словоизменительной моделью русских возвратных глаголов, имеющих в своей структуре возвратную частицу *-ся/-сь*, которая ни при каких условиях физически не отделяется от основы базового глагола, в отличие от словенского языка: *я учусь, я умываюсь, я одеваюсь*.

В спонтанной словенской речи русскоговорящих на начальном этапе также наблюдаются спорадические включения русской синтаксической модели вопросительных предложений, когда интонация берет на себя функцию смысловоразличения утверждения и вопроса. В следующем примере интонация также максимирует ошибочную форму прошедшего времени, в которой опущен вспомогательный глагол под влиянием русской синтаксической модели: *N'e razumel 'i?/ = Ali niste razumeli?*

Заметным отклонением в словенской речи русскоязычных переселенцев является отступление от жесткого словенского грамматического правила, согласно которому при отрицательной модификации предложений прямой объект в винительном должен обязательно перейти в родительный падеж. Русскоговорящие информанты соблюдают это правило не так строго, в их речи часты предложения типа: *Jaz ne pijem kavo. Nisem dobila plačilo. Ne gledam televiziju*. Такие примеры являются прямым нарушением словенских синтаксических правил.

Достаточно широкий набор разнообразных отступлений, представленный выше, можно свести к следующему ориентировочному списку частотных языковых отступлений, формирующих узнаваемый русский акцент в словенской речи русскоговорящих переселенцев, особенно на начальном этапе¹.

Таблица 4. Ориентировочный список частотных языковых ошибок в словенской речи русскоговорящих переселенцев

	Описание	Пример
1	Ошибочное место ударения	<i>Doma, l<u>ju</u>di, je<u>z</u>yk, č<u>l</u>ov<u>e</u>k je por<u>o</u>čen</i>
2	Аканье	<i>Sl<u>a</u>venija, pr<u>a</u>fes<u>a</u>r</i>
3	Смягчение согласных	<i>n'e razum'em, fs'ak</i>
4	Оглушение v → f в фонетически слабой позиции (в конце слова, перед следующим глухим согласным)	<i>Slavence<u>f</u>, fs'e</i>
5	Опущение личных форм глагола-связки БЫТЬ в настоящем и в прошедшем времени	<i>Ljudi zelo mirni Včeraj jaz počivala</i>
6	Излишнее редундантное использование личных местоимений (калькирование русской синтаксической модели)	<i>V Sloveniji mi že z jul'a</i>
7	Нарушения порядка слов (возвратные частицы, вспомогательные формы глагола, краткие формы местоимений в разных падежах)	<i>Jaz pozdravila ga, vprašala ga, kako je. Ona nasmehne se i gre via.</i>
8	Отступления в именном склонении (ошибочное или неполное согласование, выравнивание по аналогии)	<i>Berem spletne strane, velike okna Moram greti domov, ne vedem</i>
9	Отступления в глагольном словоизменении (ошибочное размещение возвратного местоимения, управление глаголов по русским синтаксическим / семантическим моделям)	<i>Mal sem sekiral se za svoje besedilo Telefonirati komu ukvarjati se z dokumenti</i>
10	Сложности при словоизменении во множественном числе (неправильное согласование между определительными местоимениями, прилагательными и именами, особенно в Им. и Вин. падеже), под влиянием русской синтаксической модели	<i>Fs'e l<u>ju</u>di</i>
11	Излишнее для словенского языка различие одушевленных существительных во множественном и двойственном числе	<i>Imam prijatelj<u>e</u>f Imam dveh prijatelj<u>e</u>f</i>
12	Опущение форм двойственного числа, их замещение формами множественного числа	<i>Dve prijateljice, dva piva</i>
13	Неразличение форм определительного местоимения ki / kateri	<i>Lepa reka, katera teče</i>
14	Неразличение семантики и функционала вопросительных местоимений kakšen / kateri	<i>Kakšen / kateri bus gre? Velik / majhen ulu številka 6</i>
15	Формальное неразличение вопросительных и относительных местоимений: kje / kjer, kaj / kar, kdaj / ko / kadar	<i>Kje sem, tam bom. Kdo hoče, ta ima.</i>

¹ Данный список нельзя признать полным и окончательным, скорее, он носит предварительный характер.

16	Нарушения грамматической категории отрицания (прямое дополнение остается в Вин. п.)	<i>Ne pijem pivo.</i>
17	Калькирование русской синтаксической модели в модальных конструкциях (глагол <i>lahko</i>)	<i>Lahko narediti</i>
18	Неразличение частотных для словенско-русского языкового контакта случаев неполного совпадения семантики и функционала, а также межъязыковой паронимии (на уровне лексем, форм, грамматических категорий – род)	<i>S čokoladom, z marmeladom pozdraviti / čestitati, znati / poznati za / na zajtrk</i>

Установленные особенности носят систематический характер, они формируют узнаваемый русский акцент, часто сосуществуют в словенской речи русскоязычных переселенцев, особенно на начальном этапе. Прежде чем функциональные и семантические различия между словенским и русским языком в сознании говорящего будут распознаны, осмыслены и освоены, прежде чем между ними будет проведена четкая граница, а промежуточный язык приобретет характер не лабильной, а стабильной языковой системы, должно пройти значительное время. По нашим наблюдениям, этот период в случае переезда в Словению в зрелом возрасте при условии активной работы с языком в среде проживания составляет как минимум 2 года. Если такая работа не проводится, а общение переселенца на словенском языке ограничено, указанные отступления в той или иной комбинации остаются в речи навсегда.

В качестве важного наблюдения считаем нужным отметить, что интересные языковые данные были обнаружены именно в речи информантов-самоучек, которые не прошли систематизированного языкового курса, а учили язык на основании личного языкового опыта общения в разных коммуникативных ситуациях, на базе собственных языковых способностей. Как показывают лонгитудинальные исследования, проводимые в подобных случаях, скорость усвоения отдельных языковых элементов иностранного языка может отличаться, а вот последовательность вполне прогнозируема и мало отличается от порядка освоения языковой системы ребенком (сначала единицы номинации – существительные, потом краткие фразы – слова-предложения – голофразы, потом простейшие языковые модели, и лишь в конце грамматические варианты и исключения) [Воейкова 2011; Залевская 2011; Павлова 2011].

Думается, что рассмотренный языковой материал является убедительным доказательством того, что речевое поведение русскоговорящих жителей Словении на словенском языке представляет собой своеобразный языковой феномен, концентрат отступлений от словенской языковой нормы, сформированный по определенным правилам, заслуживающим специального изучения. Данный феномен наблюдается в условиях коммуникативного кризиса, когда потребность объясниться существенно превышает уровень языковой компетенции, что активизирует различные компенсационные механизмы. Следующим важным наблюдением является то, что этот феномен носит динамичный, лабильный характер, ему свойственно функциональное и семантическое наложение контактных языковых систем, он возникает в серой межъязыковой зоне, отличается специфической межъязыковой грамматикой. Для перехода на следующий уровень языковой компетенции, для которого характерно строгое, стабильное и последовательное различие между контактирующими языковыми системами, автономное коммуникативное поведение, важны индивидуальные языковые способности конкретного человека, воз-

возможность его участия в организованных формах обучения словенскому языку, последующее активное общение на словенском языке в языковой среде.

Изучение русифицированного словенского языка, наблюдаемого в речи русскоговорящих переселенцев на начальном этапе, может представлять особый интерес и для словенистов-дидактиков, поскольку учет фактора интерференции облегчает создание эффективных национально ориентированных учебных пособий. В случае сохранения современных миграционных тенденций потребность в таких пособиях будет только возрастать.

ЛИТЕРАТУРА

Воейкова 2011 – *Воейкова М.Д.* Усвоение первого и второго языка: сходства и различия // Путь в язык. Одноязычие и двуязычие: Сб. ст. / Отв. ред. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 11–33.

Залевская 2011 – *Залевская А.А.* Некоторые спорные вопросы теории двуязычия // Путь в язык. Одноязычие и двуязычие: Сб. ст. / Отв. ред. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 33–48.

Залевская 2009 – *Залевская А.А.* Вопросы теории двуязычия: Монография. Тверь, 2009. 145 с.

Макарова-Томинец 2016 – *Макарова-Томинец И.* Русский язык в Словении: младшие представители русскоязычной диаспоры о своем языке // Перевод как фактор межнациональной истории культуры: Россия – славяне – Европа: Тезисы и материалы международной научной конференции, 19–22 апреля 2017 г. М.: Центр книги Рудомино, 2016. С. 91–99.

Павлова 2011 – *Павлова А.* Речь русских эмигрантов и билингов: ошибки или тренды? // Путь в язык. Одноязычие и двуязычие: Сб. ст. / Отв. ред. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 294–307.

Цейтлин, Абабкова 2011 – *Цейтлин С.Н., Абабкова М.И.* Освоение субстантивных синтаксисом русскоязычным ребенком и инофоном // Путь в язык. Одноязычие и двуязычие: Сб. ст. / Отв. ред. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 165–191.

Щерба 1957 – *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.

Derganc 2008 – *Derganc A.* Še o razliki med vzhodnim in zahodnim tipom delovanja glagolskega vida v slovanskih jezikih // Slavistična revija. 2008. Letnik 56. Št. 2. S. 537–543.

Derganc 2009 – *Derganc A.* Nekaj misli ob izražanju glagolske svojilnosti v ruščini in slovenščini = Some Remarks on the Verbal Expression of Possessiveness in Slovene and Russian // Rusko-slovenski dnevi, v Ljubljani. 2009. Maj. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. S. 11–15.

Ferbežar 2012 – *Ferbežar I.* Izrekam zvestobo moji novi domovini Republiki Slovenija. Testiranje znanja slovenščine kot drugega / tujega jezika v Sloveniji // Jezik in slovstvo. 2012. Letnik 57. S. 29–45.

Makarova 2015 – *Makarova I.* Ruščina in slovenščina: jezikovna odstopanja v ruščini pod vplivom slovenščine kot jezika okolja // Jezikoslovni zapiski. Zbornik inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša. 2015. Letnik 21. Št. 2. S. 159–189.

Medvešek, Bešter 2012 – *Medvešek M., Bešter R.* Položaj priseljenskih jezikov v Sloveniji // Jezik in slovstvo. 2012. Letnik 57. Št. 3–4. S. 5–27.

Pirih Svetina 2003 – *Pirih Svetina N.* Napaka v ogledalu procesa učenja tujega jezika // Jezik in slovstvo. Letnik 48. Št. 2. S. 17–26.

Uhlik 2016 – *Uhlik M.* Nekatere značilnosti izražanja nujnosti v slovenščini in ruščini // Jezikoslovni zapiski. 2016. Letnik 22. Št. 2. S. 45–59.

Uhlik 2016 – *Uhlik M.* Beseda rad v slovenščini in ruščini z vidika opredelitve povedkovnika // Toporišičeva obdobja. Ljubljana: Znanstvena založba FF, 2016. S. 281–289.

REFERENCES

Makarova-Tominets 2016 – Makarova-Tominets I. Russian Language in Slovenia: Junior Representatives of the Russian-Speaking Diaspora about Their Language. In: Translation as a Factor in the Interethnic History of Culture: Russia – the Slavs – Europe: Abstracts and Materials of the International Scientific Conference, April 19–22, 2017. Moscow. Centr Knigi Rudomino Publ. 2016, pp. 91–99.

Pavlova 2011 – Pavlova A. Speech of Russian Immigrants and Bilinguals: Mistakes or Trends? In: Way into the Language. Multilingualism and Bilingualism: Collected of Articles / Eds.: S.N. Zeitlin, M.B. Eliseeva. Moscow. Yazyki Slavyanskoy Kultury. 2011, pp. 294–307.

Scherba 1957 – Scherba L.V. (1957) Selected Works about the Russian Language. Moscow. Uchpedgiz Publ. 188 c.

Voeikova 2011 – Voeikova M.D. Adoption the First and Second Language: Similarities and Differences. In: Way into the Language. Multilingualism and Bilingualism: Collected of Articles / Eds.: S.N. Zeitlin, M.B. Eliseeva. Moscow. Yazyki Slavyanskoy Kultury. 2011, pp. 11–33.

Zalevskaya 2011 – Zalevskaya A.A. Some Controversial Questions of the Theory of Bilingualism. Way into the Language. Multilingualism and Bilingualism: Collected of Articles / Eds.: S.N. Zeitlin, M.B. Eliseeva. Moscow. Yazyki Slavyanskoy Kultury. 2011, pp. 33–48.

Zalevskaya 2009 – Zalevskaya A.A. (2009) The Questions of the Theory of Bilingualism: Monography. Tver. 145 p.

Zeitlin, Ababkova 2011 – Zeitlin S.N., Ababkova M.I. An Assimilation of Substantive Syntax by a Russian-Speaking Child and an Inophone. In: Way into the Language. Multilingualism and Bilingualism: Collected of Articles / Eds.: S.N. Zeitlin, M.B. Eliseeva. Moscow. Yazyki Slavyanskoy Kultury. 2011, pp. 165–191.

Сведения об авторе:

Ирина Дмитриевна Макарова-Томинец,
канд. филол. наук
доцент
Приморский университет (Копер, Словения)

Irina Makarova-Tominec,
PhD
Docent
University of Primorska (Koper, Slovenia)
irina.mt@fhs.upr.si